

Научная статья
УДК 340.15
<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-22-31>

ТЕОКРАТИЯ И ТЕОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ХАРАКТЕРИСТИКА, ДЕФОРМАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

Армэн Кароевич Оганесян^{1,2}

¹ Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 354376, Россия, г. Сочи, ул. Куйбышева, д. 32

² Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 354000, Россия, г. Сочи, Дагомысская ул., д. 42

^{1,2} armenoid1986@rambler.ru

Аннотация

Актуальность заключается в исследовании специфических особенностей теократической государственно-правовой организации общества и ее развития. В работе выделяются и обсуждаются качественные характеристики теократической государственности, рассматривается соотношение понятий «теократия» и «теократическая государственность». Отдельно анализируются специфические черты и особенности теонормативной публично-властной и правовой организации общества, а также деформации, которые могут возникать при трансформационном развитии теократического государства. Используются общенаучные и специально-юридические методы исследования.

Ключевые слова: государство; государственность; легитимность; право; теократия; ценностно-нормативная система.

Для цитирования: *Оганесян А. К.* Теократия и теократическое государство: характеристика, деформации и особенности развития // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 22–31. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-22-31>

Research Article

THEOCRACY AND THEOCRATIC STATE: CHARACTERISTICS, DEFORMATIONS AND FEATURES

Armen K. Oganessian^{1,2}

¹ Sochi Institute (Branch) of Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 32 Kuibysheva St., Sochi, 354376, Russia

² Sochi Branch of All-Russian State University of Justice, 42 Dagomysskaia St., Sochi, 354000, Russia

armenoid1986@rambler.ru

Abstract

The relevance lies in the study of the specific features of the theocratic state-legal organization of society and its development. The work identifies and discusses the qualitative characteristics of theocratic statehood, examines the relationship between the concepts of "theocracy" and "theocratic statehood". Specific features and characteristics of the thenormative public-authority and legal organization of society are analyzed separately, as well as deformations that may arise during the transformational development of a theocratic state. General scientific and special legal research methods were used.

Keywords: state; statehood; legitimacy; law; theocracy; value-normative system.

For citation: Oganessian A. K. Theocracy and Theocratic State: Characteristics, Deformations and Features. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 1, pp. 22–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-1-22-31>

Введение

В различных правовых системах государств «теократический архетип», или культурно-исторический теократический код, в своих многообразных проявлениях продолжает играть значительную роль в формировании восприятия, обоснования и легитимации властно-правовых взаимодействий в триаде «личность – общество – государство» [1]. Это объясняет, почему современные ученые активно обращаются к изучению и реконструкции теоретических и практических аспектов эволюции национальных государственно-правовых систем [2]. Примечательно, что многие элементы теократических моделей, такие как принципы организации власти, механизмы взаимодействия публичных институтов, методы легитимации политического порядка, были интегрированы в структуру современных светских государств и стали основой для рациональных политико-правовых концепций и до-

ктрин. Данный исторический синтез демонстрирует преемственность в развитии правовых идей, несмотря на секулярный характер современных обществ [3].

1. Сущностные характеристики теократической модели

Исследование сущности и содержания теократии приобретает особую значимость не только в историческом контексте – для восстановления истоков формирования политико-правовых явлений, зарождения принципов правового мышления, особенностей правовой культуры, а также становления правовых институтов, юридических техник и государственных учреждений, – но и для осмысления актуальной государственно-правовой действительности. Анализ теократических основ важен для понимания современных политических, юридических, духовных и социальных процессов, развивающихся в обществе и государственных структурах. Таким образом, изучение теократии позволяет не только реконструировать прошлое, но и выявить преемственность и трансформацию ее элементов в условиях секулярного мира, что способствует более глубокому анализу эволюции правовых систем и механизмов власти.

Теократические властно-правовые отношения отличаются тем, что они юридически и политически закрепляются в устойчивые иерархические структуры власти, а также институционально-нормативные рамки, формируя уникальную форму государственно-правового устройства. В трудах как дореволюционных, так и современных правоведов представлены фундаментальные работы, анализирующие природу теократической государственности и выделяющие ее отличительные политико-правовые черты [4; 5; 6; 7; 8].

Обобщая различные теоретические подходы к трактовке теократии, разработанные в ходе историко-правового анализа конкретных теократических государств, можно систематизировать семь базовых признаков теократической государственности. Эти характеристики выступают в качестве архетипических или имманентных черт, присущих данной форме государственно-правового устройства.

Первой ключевой характеристикой теократии как государственной концепции и правовой модели является либо абсолютное доминирование жреческого сословия, либо значительное влияние духовенства на осуществление государственной власти и определение основополагающих принципов развития правовой системы. В теократическом устройстве религиозная природа права и государства выступает неоспоримым фундаментом всей общественной жизни, а ее институциональное воплощение – духовенство становится активным участником как реализации властно-управленческих функций, так и формирования публично-правовых институтов. Таким образом, теократия интегрирует сакральные нормы в правовую и политическую практику, обеспечивая их взаимозависимость в структуре государственного управления.

Следует подчеркнуть, что «теократическая идея получает реальный смысл, если рассматривается на почве веры в действительно существующего Бога. В этом случае она выражает непосредственное управление Бога человеческим обществом (всеми его сферами и сторонами жизнедеятельности – политической, государственной, общественной, частной, духовной и т.п.), именно Бога, а не какого-либо сословия жрецов, духовенства или священства» [4, с. 49].

Второй ключевой чертой теократии является восприятие государства, власти и права как инструментальных ценностей, предназначенных для реализации и охраны религиозно-нравственных устоев общества, интерпретируемых в качестве высших нормативно-ценностных ориентиров. Данная форма государственно-правового устройства базируется на идеациональных принципах, определяющих ее структуру и функционирование. Понятие «идеациональность», введенное П. А. Сорокиным, описывает уникальный тип политико-правовой организации, где ценностно-нормативная иерархия направлена от земной реальности к сверхчувственному началу, а ее абсолютным центром выступает Бог. В такой системе все институты подчинены сакральной вертикали, отражающей приоритет божественных установлений над мирскими законами [9, с. 104].

Следовательно, в теократической системе основным источником права выступают сакральные тексты, а в структуре властной иерархии центральное положение занимает концепция Божественного верховенства. Государство как идеологическая основа организации общества и как социально-властный институт становится вторичным элементом, воспринимаемым в качестве подчиненного инструмента, обусловленного высшими религиозными ценностями. Как отмечал Л. А. Тихомиров, «при таком условии (теократическом государственно-правовом устройстве) у народа, строго говоря, нет государства. Но идея Богоуправления может войти в государственность, если является в форме какой-либо делегации Божественной Верховной власти» [4, с. 126]. Классическим примером такой модели, по мнению Л. А. Тихомирова, является израильская государственность: «Вечным образчиком теократии в обеих этих формах является израильский народ, как в его родовой период жизни, так и в государственный» [4, с. 128]. При этом важно подчеркнуть, что форма «божественного делегирования» власти могла варьироваться: верховная власть передавалась как монархам (царям), так и жреческим институтам. Как указывал Л. А. Тихомиров, «власть Господа проявлялась и в быту Израиля, и в священстве, и в пророчестве, и в государственности, повсюду имея свое конкретное человеческое выражение» [4, с. 129].

В-третьих, ключевой особенностью «правильного функционирования» [10] теократической государственности является наличие определенных условий, необходимых для ее устойчивого существования, поскольку теократия не возникает произвольно или исключительно в силу внешней необходимости. Для ее становления и развития требуются соответствующие социальные, духовные, политические, правовые и иные предпосылки. В данном контексте теократическая государственность представляет собой качественно особое состояние всех общественных систем – правовой, духовно-культурной, политической, экономической, информационной и др. Как отмечается, в библейских текстах, особенно в Ветхом Завете, «прослеживается последовательное воздействие Божественной воли на организацию всех аспектов жизни человека и общества в соответствии с Божественным законом. Государственность возникает на завершающем этапе этого процесса, и только тогда, когда для нее сформирована необходимая социальная основа» [4, с. 40].

В-четвертых, основой теократического государства и теократического правосознания выступает идея «трансцендентальной реальности». Иными словами, вся

институционально-нормативная система и властная организация теократии направлены на реализацию сверхчувственного идеала. В противоположность светским моделям государственно-правового устройства, в теократии все политико-правовые институты, структуры и практики публичного управления выходят (или по крайней мере стремятся выйти) за рамки обыденного восприятия и рационального осмысления. В таком государстве любые преобразования в правовой и социально-экономической сферах основываются (или не должны противоречить) на сакральной традиции и божественных законах. Именно эти законы воплощают в социальной действительности и сохраняют надчеловеческое знание и принципы мироустройства. Такое знание и принципы, как отмечается, «способны создать основу для подлинного и непререкаемого авторитета, сформировать действенные иерархии и придать всем формам человеческой деятельности высший смысл» [11, с. 17].

В-пятых, как обоснованно подчеркивает Е. Н. Салыгин, теократическому государству не требуется ни абсолютная бесконтрольность власти, ни ее мнимая непогрешимость, ни даже совмещение высшими политическими руководителями религиозных функций. Религиозно-политические властные отношения могут сохраняться и без непосредственного руководства со стороны духовенства. Для существования теократии достаточно наличия системы религиозно-правовых норм, реализуемых в обществе через институты публичной власти [8, с. 7–10].

Таким образом, ключевая характеристика теократической государственности заключается в том, что вся политическая система и властно-правовые отношения в обществе базируются на едином вероучении, которое монопольно претендует на регулирование всех аспектов общественной жизни. При этом божественное начало выполняет двоякую функцию: с одной стороны, оно выступает как трансцендентный принцип мироустройства, стоящий над человеческими институтами, с другой – имманентно присутствует в качестве центрального организующего начала во всех без исключения сферах человеческого бытия.

Иными словами, божественное начало в теократической системе обладает двойственной природой: во-первых, оно выступает как трансцендентный символ космического порядка, находящийся вне социальной реальности; во-вторых, представляет собой имманентную организационную основу (властно-иерархический принцип социального устройства), предназначенную для реализации сакральной воли в земном бытии. Как точно подмечает В. В. Желтов, «Бог христиан не отделен от них, он близок к ним, будучи трансцендентным... Это порождает парадокс: Он находится в потустороннем мире и на этом свете; Он отдален в силу своей трансцендентности и близок по своему воплощению; Он находится над миром и в миру; Он должен прийти и уже присутствует. Это Бог, обращенный к миру. Бог не существует без мира, как мир не существует без Бога» [12, с. 123]. Сущность теократической модели государственно-правового устройства особенно четко сформулировал выдающийся российский правовед дореволюционного периода Н. Н. Алексеев, утверждавший: «Кто хочет понять истинное существо древнейших монархических учреждений, должен помнить, что они неотделимы от идеи царебожества, от отождествления царя с Богом» [13, с. 49].

В-шестых, теократическая модель власти предполагает ее служивый характер, что являлось отличительной чертой всего средневекового периода. Как отмечает историк и политолог Бертран де Жувенель, средневековая эпоха «являет нам Власть наименее свободную и наименее самоуправную – насколько только мы можем себе это представить. Ибо она связана одновременно человеческим законом, обычаем, и Божественным законом. И ни с той ни с другой стороны она не полагается только на свое чувство долга». Характерный для Средневековья дискурс власти был ориентирован на сохранение ее статуса как «верной исполнительницы небесного правления, предписаниям которого она обязана неукоснительно следовать во всех своих проявлениях».

В рамках средневековых теократических теорий происходит становление концепции суверенитета, которая впоследствии займет центральное место в рационалистических интерпретациях власти, государства и права. В религиозно-политической парадигме теонормативной организации публичной власти понятие «суверенитет» впервые получает свою теоретическую разработку. Основопологающим принципом данной концепции выступает божественная природа государственной власти, а ее легитимность обосновывается через религиозно-традиционные основания. Сущность данной концепции заключается в том, что первоисточником власти суверена признается Божественная воля, при этом сакральные тексты и теологические трактаты выполняют функцию нормативного ориентира для монарха при формировании политико-правового порядка. Властные отношения в данной системе строятся по бинарной схеме «монарх-подданные», где, как отмечают исследователи, «он означает отдельную и трансцендентно верховную власть – находящуюся не на вершине, но над вершиной» [14, с. 41]. Таким образом, суверенность монаршей власти проистекает из ее верховенства и независимости от человеческих (позитивных) законов, что делает суверена творцом и высшим источником всей правовой и властной системы.

Тем не менее юридическая автономность суверена отнюдь не подразумевает его фактической свободы от морально-этических требований, принципов справедливости, предписаний священных текстов и религиозных установлений [15]. Отсутствие формально-правовой взаимозависимости между монархом и народом, т.е. системы взаимных юридических прав и обязательств, приводит к формированию двух самостоятельных политических субъектов – суверенного правителя и подданных, где регуляторами их взаимоотношений выступают духовно-нравственные ценности и традиционно-культурные нормы. Как отмечают исследователи, «нравственные нормы, как и моральные, не имеют обязательной юридической силы, и их несоблюдение не влечет юридической ответственности»; это стало основанием для отождествления многими правоведами концепта суверенитета с абсолютной властью [14, с. 53].

Отсюда, в рамках теократической парадигмы последующие интерпретации суверенитета обосновывают необходимость церковного контроля за социально-властной деятельностью монарха. Согласно этой концепции церковные институты выполняют функцию посредника, освящающего действия правителя и формирующего религиозно-политический порядок. Как отмечают исследователи, «единствен-

ным институтом, способным поддержать на Западе хоть какое-то подобие общественного порядка и сохранить культуру, оказалась Церковь, а епископ римский, будучи традиционно духовным главой имперской метрополии, постепенно прибрал к рукам целый ряд привилегий и полномочий, коими ранее были облечены римские императоры. Церковь не только взвалила на себя груз разнообразных правительственных функций, но и стала единственной покровительницей знаний и искусств: духовенство стало единственным образованным сословием, а папа – верховным и священным авторитетом, который своею властью мог санкционировать и помазание, и отлучение королей и императоров» [16, с. 65].

Данные концептуальные трансформации понятия «суверенитет», а также политическое противостояние между монархической властью и церковными институтами в конечном счете привели к секуляризации обоснования суверенных прав. Суверенитет начинает аргументироваться не исключительно через призму божественного права, но и в рамках действующего позитивного законодательства. Эта тенденция находит яркое выражение в заявлении Карла I: «Помните, я ваш король, ваш законный король. Мои полномочия унаследованы по закону, вручены мне самим богом. Я не передам их новой незаконной власти» [17].

2. Деформационные процессы теократической государственности

Анализ ключевых характеристик теократического государственно-правового мышления и эволюции теократических практик в Средние века требует обязательного рассмотрения основных деформационных процессов, затрагивающих как теократический идеал, так и саму теократическую государственность. К числу таких деформаций, по нашему мнению, относятся следующие:

– деформация сущностных основ теократической государственности. Данный тип искажений проявляется преимущественно в случаях формирования квазитеократических государственных образований. В подобных моделях наблюдается инструментальное использование теократической формы политического, духовно-нравственного и социального сознания, адаптированного к рационализированной доктрине светского нормативного идеала;

– второй тип деформаций выражается в фундаментальном противоречии между теократической идеей и процессом ее властно-правового воплощения. Как справедливо отмечал Е. Н. Трубецкой, «теократического идеала цельности и предельности жизни нельзя достичь не только в пределах государства, но и в пределах всего вообще греховного, несовершенного, а потому – становящегося мира» [18, с. 568];

– третий тип деформаций обусловлен рассогласованием между теократической концепцией, религиозно-политическими принципами и нормами государственно-правового устройства, с одной стороны, и исходным теологическим учением – с другой;

– четвертый вид деформаций проистекает из ценностного диссонанса между теократическим идеалом и практикой его реализации по отношению к базовым религиозным догматам и духу теологического учения. Это противоречие ставит под вопрос легитимность целей, форм, методов и средств социально-правового

регулирования и государственного управления. Как метко отмечал Н. А. Бердяев, «теократии были обречены на гибель. То, что они осуществляли, было противоположно царству Божьему, царству свободы и любви... Они сакрализовали земную силу, совершавшую земное насилие над человеком, они прикрепляли христианские символы к реальности, ни чего общего с христианством, не имеющим... мессианизм отменены не только Евангелием, но и пророками» [19, с. 262].

Заключение

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что теократия представляет собой особую форму государственно-правового устройства, детерминирующую уникальные характеристики всех элементов государственной организации (включая форму правления, территориального устройства, административного управления, а также особенности политического и государственного режима) и специфические черты теонормативных и публично-правовых основ государственного строительства. При этом теократическую государственность необходимо понимать как более масштабное, качественное состояние социума, представляющее собой целостную систему взаимосвязанных элементов, включающую: структуры и институты публичной власти (в том числе церковные властно-правовые иерархии); комплекс дополнительных компонентов и доминант, обусловленных особенностями религиозных воззрений духовно-нравственных ориентиров правовых традиций и культуры социально-экономических условий информационно-идеологических факторов и других аспектов общественного бытия [20].

К числу ключевых характеристик теократической системы, как уже отмечалось, относятся: значимая роль духовенства в реализации всех форм публично-властных полномочий; доминирование теонормативных комплексов, монополюсно регулирующих фундаментальные сферы общественного бытия; ориентация правовой политики государства на воплощение трансцендентального идеала, проявляющаяся в социальном и публично-служебном функционировании власти; единство ценностно-нормативной, политической и правовой систем, основанных на едином вероучении, а также служебный характер деятельности публичных институтов и механизмов власти.

Пристатейный библиографический список

1. *Baranov P. P., Ovchinnikov A. I., Mamychev A. Y.* Institutionalization of the Human Rights Management, Economic and Social Community in the 21st Century: The Global and Eurasian Trends // *International Review of Management and Marketing*. 2016. Vol. 6. No. 8.
2. *Baranov P. P., Ovchinnikov A. I., Mamychev A. Y.* Management of the Conservative Political Platform of the Transformation Public-Power Organization in Eurasia // *International Review of Management and Marketing*. 2016. Vol. 6. No. 6.
3. Конституционное право : учебник / под общ. ред. П. П. Баранова, А. Ю. Мамычева. М. : Юстиция, 2017.
4. *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М. : Облиздат, 1998.
5. *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. М. : Аграф, 2000.

6. Солоневич И. Народная монархия. М. : Эксмо ; Алгоритм, 2003.
7. Сапронов П. А. Власть как метафизическая и историческая реальность. СПб. : Церковь и культура, 2001.
8. Салыгин Е. Н. Теократическое государство (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.
9. Бачинин В. А. Политология : энциклопедический словарь. СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2005.
10. Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 4. М. : Русская книга, 1994.
11. Evola J. Sous pretext de conguerir la terre, l'homme a rompu tout contact avec la realite metaphysique // Etudes traditionnelles. 1986. No. 494.
12. Желтов В. В. Теория власти. М. : Флинта, 2008.
13. Алексеев Н. Н. Христианство и идея монархии / Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М. : Аграф, 2000.
14. Маритен Ж. Человек и государство. М. : Идея-Пресс, 2000.
15. Хеффе О. Справедливость: Философское введение. М. : Праксис, 2007.
16. Тарнас Р. История западного мышления. М. : КРОН-ПРЕСС, 1995.
17. Серебрякова М. Ю. Судебный процесс над Карлом I Стюартом // Правоведение. 1989. № 3.
18. Трубецкой Е. Н. Миросозерцание Вл. С. Соловьева. Т. 1. М. : Путь, 1909.
19. Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. М. : Республика, 1995.
20. Овчинников А. И., Федоренко С. П. Российская государственность: история и современность. Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 2017.

References

1. Baranov P. P., Ovchinnikov A. I., Mamychev A. Y. Institutionalization of the Human Rights Management, Economic and Social Community in the 21st Century: The Global and Eurasian Trends. *International Review of Management and Marketing*, 2016, vol. 6, no. 8.
2. Baranov P. P., Ovchinnikov A. I., Mamychev A. Y. Management of the Conservative Political Platform of the Transformation Public-Power Organization in Eurasia. *International Review of Management and Marketing*, 2016, vol. 6, no. 6.
3. Baranov P. P., Mamychev A. Iu. (eds.). *Constitutional Law: Textbook*. Moscow: Iustitsiia, 2017. (In Russ.)
4. Tikhomirov L. A. *Monarchical Statehood*. Moscow: Oblizdat, 1998. (In Russ.)
5. Alekseev N. N. *Russian People and State*. Moscow: Agraf, 2000. (In Russ.)
6. Solonevich I. *People's Monarchy*. Moscow: Eksmo; Algoritm, 2003. (In Russ.)
7. Sapronov P. A. *Power as a Metaphysical and Historical Reality*. St. Petersburg: Tserkov i kultura, 2001. (In Russ.)
8. Salygin E. N. *Theocratic State (Theoretical and Legal Aspect): Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences*. Moscow, 1997. (In Russ.)
9. Bachinin V. A. *Political Science: Encyclopedic Dictionary*. St. Petersburg: V. A. Mikhailov, 2005. (In Russ.)
10. Ilyin I. A. *Collected Works*. Vol. 4. Moscow: Russkaia kniga, 1994. (In Russ.)

11. *Evola J.* Sous pretext de conguerir la terre, l'homme a rompu tout contact avec la realite metaphysique. *Etudes traditionnelles*, 1986, no. 494.
12. *ZheltoV V. V.* Theory of Power. Moscow: Flinta, 2008. (In Russ.)
13. *Alekseev N. N.* Christianity and the Idea of Monarchy. In *Alekseev N. N.* Russian People and State. Moscow: Agraf, 2000. (In Russ.)
14. *Maritain J.* Man and the State. Moscow: Ideia-Press, 2000. (In Russ.)
15. *Höffe O.* Justice: A Philosophical Introduction. Moscow: Praxis, 2007. (In Russ.)
16. *Tarnas R.* History of Western Thinking. Moscow: Kron-Press, 1995. (In Russ.)
17. *Serebriakova M. Iu.* Trial of Charles I Stuart. *Jurisprudence*, 1989, no. 3. (In Russ.)
18. *Trubetskoi E. N.* Worldview of V. S. Soloviov. Vol. 1. Moscow: Put, 1909. (In Russ.)
19. *Berdiaev N. A.* The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar. Moscow: Respublika, 1995. (In Russ.)
20. *Ovchinnikov A. I., Fedorenko S. P.* Russian Statehood: History and Modernity. Rostov-on-Don: RUI Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. К. Оганесян – кандидат юридических наук.

Information about the author:

A. K. Oganesyanyan – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025; одобрена после рецензирования 07.07.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted to the editorial office 05.05.2025; approved after reviewing 07.07.2025; accepted for publication 19.01.2026.